

ШАРЛОТТА
ЛИНК

Die Täuschung
ЛОЖЬ БЕЗ
СПАСЕНИЯ

Москва
2017

УДК 821.112.2-312.4
ББК 84(4Гем)-44
Л59

Charlotte Link
DIE TÄUSCHUNG

Original title: DIE TÄUSCHUNG by Charlotte Link
© 2002, 2009 by Blanvalet Verlag, München a division of Verlagsgruppe
Random House GmbH, München, Germany.

Линк, Шарлотта.

Л59 Ложь без спасения / Шарлотта Линк ; [пер. с нем. И. Франк]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 448 с. — (Прекрасное лицо немецкого детектива).

ISBN 978-5-699-99108-2

Романы Шарлотты Линк регулярно занимают первые места в списке бестселлеров еженедельника «Шпигель», главного СМИ Германии и Евросоюза, а общее число проданных книг превысило 30 миллионов.

На Лазурном Берегу Франции бесследно исчезает Петер Симон, известный всем, кто его знал, как успешный бизнесмен, любящий муж и заботливый отец. Его молодая жена Лаура предпринимает отчаянные попытки разыскать горячо любимого супруга. Но обнаруживается страшная правда, в одночасье обрушившая все иллюзии тихого семейного счастья. Ее муж — этот лжец и изменник — оказался вовсе не тем, за кого так успешно себя выдавал долгое время. И теперь это внезапно открывшееся знание грозит ей смертельной опасностью...

УДК 821.112.2-312.4
ББК 84(4Гем)-44

© Ирма Франк, перевод на русский язык, 2013

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-99108-2

**Сообщение из газеты «Берлинер моргенпост»
от 15 сентября 1999 года**

**СТРАШНАЯ НАХОДКА В СЪЕМНОЙ КВАРТИРЕ
В БЕРЛИНСКОМ ОКРУГЕ ЦЕЛЕНДОРФ**

Ужасная картина предстала вчера перед глазами пенсионерки, которая упростила завхоза жилого комплекса в Целендорфе открыть запасным ключом квартиру ее многолетней подруги Хильды Р.

Эта одинокая 64-летняя дама не давала о себе знать уже несколько недель, не отвечая на звонки родственников и знакомых. И вот теперь женщину обнаружили в ее собственной гостиной. Она была задушена тросом, а одежда на ней была изрезана ножом, однако сексуальных мотивов в этом преступлении, очевидно, нет.

По сообщению полиции, нет и улик, указывающих на ограбление. Следов взлома не обнаружено, поэтому предполагается, что пожилая дама сама открыла дверь убийце.

Вскрытие показало, что труп, вероятно, находится в квартире с конца августа. Об убийце ничего неизвестно.

ЧАСТЬ I

Пролог

Она не знала, что именно ее разбудило. То ли какой-то шорох, то ли кошмарный сон, то ли мысли, которые со вчерашнего вечера все еще кружились у нее в голове. Ложась спать, она обычно прихватывала с собой все свои раздумья, тревоги и мрачные чувства и порой просыпалась от того, что по щекам у нее текли слезы.

Но не на этот раз. Сейчас ее глаза были сухими. Она отправилась спать около одиннадцати вечера и заснула с большим трудом. Слишком много всего крутилось у нее в голове: она чувствовала себя подавленной и вновь проваливалась в знакомое чувство страха перед будущим, от которого, как ей какое-то время казалось, смогла избавиться. Теперь же чувство, будто ее загнали в угол и угрожают, разрасталось в душе все больше. Обычно этот дом у моря внушал ей чувство свободы, и ей даже становилось легче дышать. Еще никогда, находясь здесь, она не хотела вернуться в свою элегантную, но всегда несколько мрачную парижскую городскую квартиру. Однако сейчас впервые обрадовалась тому, что лето закончилось.

Это была пятница 28 сентября. На следующий день они с Бернадетт сорвутся отсюда и отправятся домой в Париж.

При мысли о маленькой дочери женщина испуганно подскочила в постели. Может быть, Бернадетт звала ее или громко разговаривала во сне... Сновидения у малышки были очень яркими и бурными, она часто просыпалась и звала

маму. А та часто спрашивала себя, нормально ли это для четырехлетнего ребенка, или же она слишком обременяла дочку своими затяжными депрессиями. Конечно же, из-за этого ее мучило чувство вины, но она была не в состоянии изменить происходящее. Все ограничивалось временными попытками вытащить себя из душевного болота длительных копаний в себе и чувства потерянности, но ей еще никогда не удавалось добиться в этом успеха.

Кроме как в прошлом году... прошлым летом... Женщина взглянула на стоявшие у ее кровати электронные часы, циферблат которых светился в темноте ярко-зеленым светом. Было около полуночи, значит, заснула она лишь на короткое время. Она вновь прислушалась. Ничего не было слышно. Когда Бернадетт звала мать, ее голосок обычно звучал не умолкая. Но мать все равно решила встать и посмотреть, как там ее ребенок.

Она опустила ноги на каменный пол и поднялась.

Как всегда с тех пор, как умер Жак, она надевала на ночь лишь растянутые хлопчатобумажные пижамные штаны и выцветшую футболку. Раньше, особенно в теплые провансальские ночи, она с удовольствием носила нежные шелковые negligé с глубоким вырезом, чаще всего цвета слоновой кости, на фоне которых особенно привлекательно смотрелись ее всегда загорелая кожа и черные смоляные волосы. Но с этим она покончила, когда Жак попал в больницу и началось его поэтапное движение к смерти. Его выписали как выздоровевшего, он вернулся к ней, и они зачали Бернадетт, а затем наступил рецидив, болезнь стала развиваться стремительно, и на этот раз Жак уже не покинул больницу. Он умер в мае. А в июне родилась Бернадетт.

В комнате было тепло. Обе оконные створки были широко раскрыты: женщина закрыла только деревянные ставни. Через щели проглядывала более ясная чернота звездного неба. Стоял тот расслабляющий, одуряющий запах, какой бывает после того, как днем палящее летнее солнце нагреет землю.

Сентябрь был таким прекрасным, что захватывало дух, хотя она и без того больше всего любила бывать здесь осенью. Порой она спрашивала себя, почему так настойчиво каждый год в начале октября уезжала в Париж, хотя у нее не было там никаких неотложных дел. Возможно, ей нужны были эти жесткие рамки, эта четко обозначенная структура года, чтобы не запутаться окончательно в своих ощущениях, которые и так уже были далеки от реальности. Ведь все остальные возвращались в город самое позднее в октябре. Может быть, она хотела принадлежать к их числу, несмотря на то что, будучи в мрачном настроении, часто горько осуждала себя за эту фальшивую самоуверенность...

Она вышла в коридор, но свет включать не стала. Если Бернадетт спит, не стоит ее будить. Дверь в детскую была лишь прикрыта, и женщина осторожно прислушалась к звукам в комнате. Ребенок дышал глубоко и ровно.

«Меня, во всяком случае, не *она* разбудила», — подумала мать, в нерешительности остановившись в коридоре. Она не могла понять, что так взволновало ее подсознание. Ведь она так часто просыпалась по ночам и скорее могла бы назвать исключением те ночи, когда этого не случалось. Чаще всего она не знала, что именно ее вспугнуло. Почему же на этот раз она была так взволнована?

Глубоко в ней притаился страх. Страх, от которого по телу побежали мурашки и каким-то особым образом обострились все чувства. Казалось, что она чуяла всем своим существом какую-то притаившуюся в темноте опасность. Словно она была зверем, ощутившим приближение другого зверя, который мог быть опасен.

Не впадай в истерику, призвала она сама себя.

Ничего не было слышно. Но она все равно знала, что в доме присутствует кто-то еще, кто-то, кроме нее и ребенка, и этот кто-то — ее злейший враг. Ей пришла в голову мысль о том, что дом стоит вдалеке от других, и она осозна-

ла, насколько одиноки они были здесь вдвоем. Никто не услышит их, если они закричат; никто не заметит, если здесь произойдет что-то необычное.

Никто не сможет проникнуть в дом, сказала женщина самой себе, ставни везде закрыты. А попытка распиливать стальные крюки приведет к ужасному шуму. Дверные замки отлично работают, и попытка открыть их не может не вызвать шума. Но, может быть, кто-то есть *снаружи*...

Она могла себе представить только одного человека, который мог бы по ночам украдкой ходить вокруг ее дома, и от этой мысли ей стало почти дурно.

Да нет, он этого не сделает. Он навязчивый, но не больной. И в этот момент ей стало ясно, что этот человек *как раз такой*. Больной. Именно его невменяемое поведение заставило ее расстаться с ним. Именно оно было ей неприятно и вызвало в ней постепенно растущую, инстинктивную антипатию, которую она все это время никак не могла себе объяснить. Он был таким милым. Он был внимательным. В нем не к чему было придираться. Это было безрассудством — не желать его.

Нет, *не желать его* — было инстинктом *выжить*.

«Хорошо, — сказала она себе и попыталась сделать глубокий вдох, как ей советовал ее лечащий врач в первое ужасное время после смерти Жака. — Хорошо, может быть, это он там, снаружи. Но во всяком случае он не может войти сюда. Я могу сейчас спокойно лечь в постель и спать. А если завтра выяснится, что он был здесь, я натравлю на него полицию. Я добьюсь судебного распоряжения о том, чтобы он не имел права появляться на моем земельном участке. Я уеду в Париж. А *если* я надумаю провести здесь Рождество, то к тому времени все может измениться».

И она решительно вернулась в свою комнату. Но и после того, как легла в постель, ее нервозность, от которой ее трясло, так и не прошла. Волоски на ее коже все еще топорщились, а кроме того, теперь ее знобило, хотя в комнате наверняка было градусов двадцать тепла. Женщина

натянула одеяло до подбородка, но ее бросило в такой жар, что стало тяжело дышать. Она была на грани приступа паники, приближение которого у нее обычно сопровождалось быстрой сменой состояния жара и озноба. В тот период, когда умер Жак, да и позже, у нее часто бывали такие приступы. Но в последний год они не возникали. И вот впервые за этот год она вновь почувствовала знакомые симптомы...

Она продолжила дыхательные упражнения, которые начала еще там, в коридоре. Внешне она теперь казалась более спокойной, но внутри у нее пылала красная сигнальная лампочка, от которой перепуганная женщина застыла в крайнем напряжении. Ее не покидало чувство, что она вовсе не стала жертвой истерии, что ее подсознание реагирует на близкую опасность и бесперебойно сигнализирует ей быть настороже. В то же время ее разум отказывался допускать подобные мысли. Жак всегда говорил ей, что это чушь — верить в такие вещи, как предчувствия, внутренний голос и тому подобное.

«Я верю только в то, что вижу, — часто говорил он, — и признаю только то, что можно доказать».

«А я в данный момент нахожусь на грани того, чтобы свихнуться», — подумала женщина.

В это мгновение она услышала какой-то звук, и было совершенно ясно, что это ей не почудилось. Этот звук был ей хорошо знаком: легкое дребезжание, издаваемое, когда ее отворяли, стеклянной дверью, отделяющей спальни от остальных комнат. Она сотни раз ежедневно слышала его, когда жила здесь, слышала, когда сама проходила через эту дверь или когда Бернадетт бегала туда-сюда.

Это значило, что кто-то был здесь, внутри дома, а никак не крался снаружи.

Он находился в доме.

Женщина одним прыжком вскочила с кровати.

«Проклятие, Жак!» — подумала она, не обратив внимания на то, что впервые допустила критические мысли по отношению к своему умершему мужу, да еще и в форме ругательства.

Она могла бы обезопасить себя, закрывшись в своей спальне, но в соседней комнате спала Бернадетт — не могла же мать запереться без своего ребенка? Она застонала от мысли, что, когда ее инстинкт, тонкий, как у сторожевой собаки, разбудил ее и повел в соседнюю комнату, у нее был шанс схватить Бернадетт и найти спасение в этой спальне. Но она упустила свой шанс. Если *он* уже находится по эту сторону стеклянной двери, то их разделяет всего несколько шагов. Женщина, как загипнотизированная, уставилась на дверь комнаты. Теперь она уже могла слышать в этой мертвой тишине тихие шаги в коридоре.

Ручка двери медленно опустилась вниз.

Она могла почуять запах своего страха. Она никогда раньше не знала, что этот запах такой едкий.

Теперь ее трясло от холода, и казалось, что она совсем не дышит.

Когда дверь открылась и на пороге появилась тень крупного мужчины, женщина поняла, что умрет. Она была так же уверена в этом, как незадолго до этого была уверена, что в доме кто-то есть.

Какое-то мгновение они стояли неподвижно друг против друга. Был ли он удивлен, что застал ее стоящей посреди комнаты, а не спящей в кровати?

Ей пришел конец. Она ринулась к окну. Ее пальцы дергали за крючок деревянных ставен. Ее ногти обломались, она ободрала всю руку, но не замечала этого.

От страха ее вырвало в окно, когда он вплотную подошел к ней сзади и с силой схватил ее за волосы. Он так сильно запрокинул ее голову назад, что она увидела его глаза. Они были ледяными. Ее шея была обнажена, и веревка, которую он набросил на нее, ободрала кожу.

Умирая, она молилась за своего ребенка.

Суббота, 6 октября 2001 года

1

Немного не доезжая до Нотр-Дам-де-Боригар, он вдруг заметил на автостраде собаку. Маленькую собачку с бело-коричневыми пятнами, круглой головой и забавно разлетающимися висящими ушами. До этого момента он ее не видел и не мог сказать, давно ли она там находится. Возможно, она уже топала какое-то время по обочине вдоль проезжей части, прежде чем пуститься в этот самоубийственный поход на другую сторону автострады. «О боже! — подумал он. — Сейчас она погибнет!» Машины летели со скоростью сто тридцать километров в час по трехполосной трассе, и у собаки почти не было шансов пройти невредимой между полосами.

«Я не хочу видеть, как ее сейчас раздавят в лепешку», — подумал он, и от вспыхнувшего страха у него на голове зашевелились волосы.

Со всех сторон тормозили машины. Все они ехали слишком быстро и не могли остановиться, но снижали скорость и пытались вывернуть на другую полосу. Некоторые сигналили. А собака продолжала идти дальше с высоко поднятой головой. Все это было на грани чуда. А возможно, это и было чудом — то, что она, не пострадав, дошла до средней полосы.

Слава богу! Ей удалось уцелеть. Во всяком случае, пока.

Мужчина почувствовал, что весь вспотел, что его футболка под шерстяным свитером прилипла к телу. Он внезапно почувствовал сильную слабость и, подъехав к правой обочине, остановил машину на запасной полосе. Перед ним возвышалась — сегодня очень мрачная, как ему показалось, — скала, на которой Нотр-Дам врезался в серое небо своей узкой остроконечной церковной башней. Почему

небо сегодня не было голубым? Он только проехал съезд на Сен-Реми, оставалось совсем немного до побережья Средиземного моря. Этот пасмурный октябрьский день мог бы уже принять и более южную окраску..

Ему опять вспомнилась собачонка. Он вышел из машины и пристально посмотрел назад. Собаки нигде не было видно, ни живой, ни раздавленной — ни на средней полосе, ни на какой-либо другой. Удалось ли ей пересечь автостраду еще и в обратную сторону?

Либо у кого-то есть ангел-хранитель, либо его нет. Если он есть, то случившееся чудо — и не чудо вовсе, а лишь логическая последовательность. Собачка небось сейчас радостно бежит трусцой по полям. А о том, что, скорее всего, могла погибнуть, она все равно никогда не узнает.

Машины проносились мимо него. Он знал, что стоять здесь небезопасно, так что снова сел в машину, закурил сигарету, достал свой мобильник и на мгновение задумался. Позвонить Лауре уже сейчас? Они договорились, что он позвонит ей с «их» автостоянки, с того места, откуда впервые открывается вид на Средиземное море. В итоге он набрал номер своей матери и несколько минут терпеливо ждал. Старой даме всегда требовалось какое-то время, чтобы добраться до телефона. А затем она откликнулась своим хриплым голосом: «Да?»

— Это я, мама, — сказал мужчина. — Я просто хотел позвонить.

— Хорошо. Я давно от тебя ничего не слышала. — Эти слова прозвучали с упреком. — Где ты пропадаешь?

— Я на автозаправке на юге Франции. — Его мать утешило бы сообщение о том, что он стоит на обочине автострады и что у него подкосились ноги из-за собачонки, которая на его глазах едва избежала смерти.

— Лаура с тобой?

— Нет, я один. Я встречу с Кристофером, чтобы поговорить на паруснике. А через неделю поеду обратно домой.

— Разве в это время года такое не опасно? Я имею в виду, ходить под парусом.

— Совсем не опасно. Мы ведь каждый год этим занимаемся. Еще ни разу ничего не случилось. — Он произнес это подчеркнуто легким тоном, который показался ему самому совершенно неестественным. Лаура бы сейчас сразу стала расспрашивать: «Что-то не так? Что-то не в порядке? У тебя такой странный голос!»

Но его мать ничего бы не заметила, даже если б он лежал при смерти. Для нее было обычным делом задавать озабоченные вопросы вроде того, что она задала сейчас: не опасно ли в это время года ходить под парусом. Возможно, ее действительно это волнует. Но иногда у ее сына возникали подозрения, что она задавала подобные вопросы в дежурном порядке и что ее уже не интересовали ответы на них.

— Звонила Бритта, — сказала она.

Мужчина вздохнул. Если его бывшая жена выходила на контакт с его матерью, это никогда не предвещало ничего хорошего.

— Что она хотела?

— Пожаловаться. Ты опять какую-то сумму не перечислил, а ей якобы со всех сторон не хватает денег.

— Пусть она об этом сама мне скажет. Незачем ей прятаться за твоей спиной.

— Она утверждает, что ты постоянно просишь сказать, что тебя нет, если она звонит в офис. А дома... Бритта говорит, что особо не горит желанием постоянно нарываться на Лауру.

Он уже пожалел, что позвонил своей матери. Каждый раз, когда он это делал, почему-то всегда выходили сплошные неприятности.

— Я не могу больше говорить, мама, — поспешно сказал он. — У моего мобильного заряд на исходе. Обнимаю тебя.

«Зачем я это сказал? — размышлял он в следующий миг. — Зачем это дурацкое “*обнимаю тебя*”? Обычно мы друг с другом так не разговариваем».